

2000.01.023. СЕМАНТИКА СЛОВА, ОБРАЗА, ТЕКСТА/ Северодвин. гуманит. ун-т., Помор, гос. ун-т им. М.В.Ломоносова; Редкол.: Камалова А.А. (отв. ред.) и др. - Архангельск: Изд-во Помор, гос. унта им. М.В.Ломоносова, 1998. - 99 с. - Библиогр. в конце ст.

Сборник включает статьи, в которых рассматриваются проблемы языковой концептуализации, лексической и фразеологической семантики, прагматики высказывания и текста.

Симашко Т.В. в статье "Принципы отбора материала для структурирования денотативной сферы" предлагает решать вопрос о дискретизации и концептуализации определенного фрагмента действительности при его лексикографическом описании, исходя из определения корпуса базовых единиц, составляющих данную денотативную сферу. Ориентация на базовый общеязыковой фонд позволяет представить единство сферы в целом и выявить однотипные и вариативные способы выражения ее параметров. Некий фрагмент действительности предстает как знаковая сущность только благодаря тому, что человек определенным образом расчленяет действительность и устанавливает связи между объектами. Таким образом, дискретизация действительности в языке зависима от сферы идеальных сущностей, сформированных языковым сознанием и продолжающих формироваться. Концептуализация, понимаемая как способ формирования идеальных сущностей, получающих закрепление в содержании языковых единиц, имеет, по мнению автора, следующие аспекты: 1) выявление таких устойчивых компонентов содержания, которые повторяются в разных единицах - их устойчивость и повторяемость свидетельствует об их важности для языкового коллектива; 2) выявление мотивационных связей в номинативных единицах при означивании объектов, включая различия в частеречной принадлежности; 3) обнаружение позиции субъекта, познающего, интерпретирующего и именующего мир.

Запас смыслов, накопленных языком, можно представить в виде совокупности вполне выделяемых семантических классов, каждый из которых отражает познание определенной денотативной сферы. Имя класса устанавливается не формально, но извлекается из лексических значений языковых единиц. Показателем денотативной общности служат содержащиеся в лексических значениях слов или в словарных дефинициях и отсылках при них идентификаторы, указывающие на данный фрагмент действительности. Исследование выделенного таким образом класса 'движение воздушных масс (ветер)' показывает, что такие классы оказываются и уже и шире групп

слов, называемых тематическими или идеографическими. Уже вследствие того, что в них не включаются единицы, обладающие денотативно неопределенным значением; шире же потому, что каждая денотативная сфера своими разными участками соприкасается с разными темами.

Исходя из базовых для денотативной сферы единиц можно исследовать семантические доминанты, выявленные для ее обозначения в научных и художественных текстах, и установить сам набор слов и целых лексико-семантических групп, регулярно используемых в этих типах текстов при описании соответствующих объектов. Такой подход дает возможность сопоставить "наивную" картину мира, выраженную в общенародном языке, с научным или эстетическим способом осмысления тех или иных предметов и явлений окружающего мира.

В статье А.А.Камаловой "О лексикографическом описании значения слова "густой" предметом исследования является поиск критериев дискретности лексико-семантических вариантов многозначного слова при его описании в толковом словаре. Эта задача в случае с семантическим предикатом, развившим переносные значения, требует ответа на вопросы: 1) каковы субъекты семантического предиката? 2) на базе каких инвариантов значения развиваются переносные смыслы?

Субъекты полисемного предиката "густой" классифицируются по семи фреймам со следующими прототипами: 1) "густой лес", 2) "густой туман", 3) "густая каша", 4) "густой чай", 5) "густой цвет", 6) "густой огонь", 7) "густой голос". Различие субъектов манифестируется и доказывается их разной глагольной сочетаемостью. Так, "лес /волосы редуют", но "туман /дым рассеивается / редет"; "кашу накладывают", "чай/кофе наливают" и т.д. Лексико-семантические варианты лексемы выявляются на основе концептуализации, т.е. классификационной деятельности, направленной на "выделение неких минимальных единиц человеческого опыта в их идеальном содержательном представлении" (с.24). Например, перечисленные выше прототипы соотносятся со следующими концептами: "густой лес" - 'непроходимый', "густой туман" - 'непроницаемый для света', "густой чай" - 'насыщенный веществом', 'темный', "густая каша" - 'содержащая мало жидкости' и т.д. Таким образом, при наличии инварианта значения данного семантического предиката, который может быть описан для его сочетаний с разными субъектами как 'большое количество предметов, частиц', возможно установление границ дискретных вариантов значения, базирующихся на идеальных содержательных единицах и языковых фактах. Что касается метафорических значений, они классифицируются по концептам. Так,

"густой огонь", как 'часто повторяющийся', соотносится с фреймом, имеющим в качестве прототипа "густой лес" ("состоящий из множества единичных ... предметов, занимающих общую площадь и являющихся препятствием"), а "густой цвет", как 'насыщенный, яркий', с "густым чаем" - 'насыщенным, темным'.

В работе Т.М.Шиховой "К проблеме определения исходной образности интернациональных фразеологических единиц" исследуется проблема характерных для данного разряда фразеологизмов неоднозначных историко-этимологических трактовок. Автор считает, что выявление, исходной образности интернациональных фразеологических единиц (ИФЕ) позволяет установить ее истоки и выявить причины интернационализации. Пристального внимания заслуживает вариативность ИФЕ, так как именно через анализ вариативной мобильности и ее соотношения с целостным идиоматическим значением единицы устанавливается исходная образность ИФЕ.

На примере идиомы "пройти огонь, воду и медные трубы" прослеживаются закономерности движения ИФЕ от вариантного многообразия к компонентному единообразию. Фразеологизм "пройти сквозь огонь и воду" в значении "много испытать, перенести страдания" встречается уже в памятниках XII - XIII вв. Первая фиксация с компонентом "... и медные трубы" встречается в словаре В.И.Даля. Истоки исходной образности в данном случае следует искать в языческом поклонении предков славян огню и воде как божествам, "ответственным" за плодородие и изобилие в доме. Огню также приписывалось очистительное свойство - способность прогонять все греховное, нечистое. Миф о кончине мира включает в себя представление об огненной реке, которая потечет в последний день. Судебное испытание огнем и водой с целью обнаружения лживости или нечистой силы присутствовало в истории не только арийских, но и многих других народов. Огонь, вода, гроза, молния, ветер (атрибуты бога-громовника) тематически связаны в верованиях индоевропейских народов. Именно к ветру, по мнению автора, имеет отношение более поздний компонент "медные трубы", так как согласно народным верованиям, болезни "напускаются" по ветру. А.Н.Афанасьевым отмечено верование кашубов, согласно которому души умерших до погребения оставленных тел сидят в виде птиц на дымовых трубах. 'Пройти через трубы' означает 'пройти через болезни, может быть, и через смерть'. Более позднее появление последнего компонента в русском фразеологизме Т.М.Шихова объясняет влиянием античных источников. Таким образом, исследуемая ИФЕ является результатом контаминации

исконного и античного выражений, а основу закрепления типичной ситуации в устойчивом языковом выражении составили древние языческие представления.

В статье ЯЛ.Белицына и АА.Камаловой "Концепт 'медведь' в русском языке" анализируются основы метафорического переосмысления существительного. Авторы полагают, что базой для переосмысления служат не только компоненты денотативного значения, такие как 'крупный', 'неуклюжий', 'грубый', 'сильный', отмеченные в толковых словарях русского языка. Общее направление переосмысления 'животное - человек' находит поддержку в этимологии слова, указывающей на антропоморфизм при наименовании, который имеет источником мифопоэтическое представление об общности происхождения медведя и человека. Так, германский корень (англ. bear, нем. Bär) соотносится с албан. bÿtë "человек", др.-ирлан. math "медведь" восходит к Н.-е. *mand, man "человек", греч. arktos "медведь" соотносится с др.-англ. gīis "человек"¹. В русском языке табуистическое наименование "медведь" также было не единственным, что отражается и в дошедших до нашего времени обозначениях животного: "хозяин", "барин". В этом контексте, обретает мотивацию фиксируемая языком связь медведя с человеческим родом - это предок людей, тотем.

Статья В.В.Буйлова "Явление контаминации в контексте прозы Андрея Платонова" посвящена исследованию смешения семантически близких слов в рамках фразеологических сочетаний. Этот прием, представляющийся в произведениях А.Платонова важным элементом индивидуального стиля, основывается на радикальном разрушении языковых норм и логических стереотипов. Контаминационная подмена компонентов ФЕ наделяет эти компоненты новой смыслообразующей функцией; достигается амбивалентность нормативных и окказиональных, прямых и переносных значений исходных фразеологических конструкций.

В статье рассматриваются контаминированные фразеологизмы, актуализирующие хронотоп в повествовательной прозе А. Платонова. Характерной чертой идиостиля является физичность, материализованность времени, его переход в категорию пространства. Так, ФЕ "с течением времени" и "по прошествии времени" -> "по течению времени": "... обнаруживал Воцев по течению времени", в результате чего актуализируется философское понимание времени как формы существования материи, выражающей длительность. То же происходит в

---

¹ Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. - М, 1996. - С.214-215

случае "... он любил тогда следить за прохожими мимо" <- "проходящие мимо", где употребление субстантивированного причастия с последующим наречием, вместе с отсутствием обозначения определяемой субстанции, активизирует скрытую глагольность субстантива "прохожий" и создает ощущение движения и в пространстве, и во времени. В первом случае, кроме этого, актуализируется ассоциирование времени с текущей рекой, имеющее основание в мифологическом представлении о реке забвения Лете, текущей в подземном царстве и разделяющей миры живых и мертвых.

Таким образом, контаминирование ФЕ в прозе А.Платонова создает коннотации, невозможные при следовании правилам речевого узуса.

В статье В.В.Башкеевой "Образ молчания в романтическую эпоху (К вопросу об исторической семантике)" исследуются контексты описания молчания как семантически значимого поведения героев в русской литературе в конце XVIII - первой трети XIX в. В литературных текстах периода романтизма образ молчания сопровождается разъяснениями, так как он был внове на рубеже XVIII-XIX вв.: риторическая культура предыдущей эпохи акцентировала внимание на звучащем слове, и прототипической формой самовыражения и проявления персонажа была речь. На этом фоне ситуация отсутствия или прерывания речи и сопровождающие их жесты и состояния становятся знаками нового направления в искусстве и нового взгляда на мир. В литературе романтизма молчание тесно связано с неподвижностью. Поэтому обозначения статичных поз или "вхождения" в них постоянно сопровождают лексемы "молчание", "безмолвно", "немой", "онемев" и их производные. Отсюда - формулы "нем и недвижим", "долго безмолвно стояла" и др. Молчание, "в диалоге" или "монологическое", становится в эстетике романтизма знаком напряженной внутренней жизни героя, выражением сильных эмоций. Молчание и неподвижность могут дополняться указанием на зрительный образ: "устремив неподвижные взоры", "долго неподвижными очами смотрел".

Репрезентативность данного образа очевидна для 1800 - 1820-х годов; в 30-е годы его смысл и функции меняются: для эпигонов романтизма он по-прежнему несет "высокий смысл", но, например, для Н.В.Гоголя в финальной сцене "Ревизора" он становится средством выражения смыслов комического и трагикомического. Для авторов следующего поколения образ неподвижности становится автономным и более значимым, чем молчание.

В сборник также включены статьи: "О некоторых системо-образующих факторах при передаче чужой речи" Г.А.Сопочкиной, "Языковая личность автора: подходы изучения" Е.В.Дерягиной, "Категория "острой мысли" в "Риторике" М.В.Ломоносова и трудах М.К.Сарбевского" Е.В.Маркасовой и ИЛ.Эгипти и ряд других работ.

Е.О.Опарина